

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-120-135

УДК 321.72+323.2

Н.А. Шавеко

Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук,
620108, г. Екатеринбург, Россия

Теория демократии участия в трудах ее основоположников и их критика

Статья посвящена одной из нормативных теорий демократии – т.н. демократии участия (партиципаторной демократии), появившейся в западной политической философии в конце 1960-х гг. и получившей особое распространение в 1970-х гг. Автор кратко формулирует суть данной теории и критически рассматривает взгляды некоторых основных ее представителей (К. Пейтмэн, Б. Барбер, К. Макферсон, П. Бахрах). Делается вывод о недостаточной нормативной обоснованности демократии участия в трудах этих авторов. Утверждается, что несмотря на общность взглядов рассмотренных партиципаторных демократов, к этим взглядам различные авторы приходят разными путями, а потому имеются основания выделять в рамках партиципаторной демократии два направления: либеральное и республиканское. И то, и другое направления исходят из ценности позитивной свободы, однако для партиципаторных демократов республиканского направления политическое участие самоценно, тогда как для партиципаторных демократов либерального направления оно имеет лишь инструментальную ценность. В статье также показано, что общим местом у всех демократов участия является не просто симпатия к формам прямой

© Шавеко Н.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

демократии, но и ряд других характеристик: 1) понимание демократии как средства самореализации личности; 2) осуждение крайнего экономического неравенства; 3) акцент на гражданских добродетелях; 4) убеждение в необходимости децентрализации власти; 5) слабо развитое, но все же присутствующее эпистемическое обоснование демократии. Таким образом, статья выявляет общие и особенные черты, а также недостатки во взглядах основных представителей демократии участия.

Ключевые слова: демократия участия, политическое равенство, политическое участие, республиканизм, либеральная демократия, модели демократии

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шавеко Н.А. Теория демократии участия в трудах ее основоположников и их критика // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 1. С. 120–135. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-120-135

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-120-135

N.A. Shaveko

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, 620108, Russian Federation

Participatory democracy: Basic approaches to justification and their criticism

The article is devoted to one of the normative theories of democracy – the so-called participatory democracy that appeared in Western political philosophy in the late 1960s and became particularly widespread in the 1970s. The author briefly formulates the essence of the theory, and then critically examines the views of some of its main developers (C. Pateman, B. Barber, K.B. Macpherson, P. Bachrach). Based on the criticism, firstly, a conclusion is drawn about the insufficient normative validity of participatory democracy in the works of the authors considered, secondly, it is argued that despite the commonality of views of the considered participatory democrats, different authors come to these views in different ways, and therefore there

are grounds to distinguish two directions within participatory democracy: liberal and republican. Both directions proceed from the value of positive freedom, however, for Republican-leaning participatory democrats' political participation is valuable in itself, whereas for liberal-leaning participatory democrats it has only instrumental value. The article also shows that the common place among all participatory democrats is not just sympathy for direct democracy, but also a number of other important characteristics, such as: 1) understanding democracy as a means of personal self-realization; 2) condemnation of extreme economic inequality; 3) emphasis on civic virtues; 4) the belief in the decentralization of power; 5) epistemic justification of democracy is poorly developed, but still present. Thus, the article identifies common and special features, as well as shortcomings in the views of the main developers of participatory democracy.

Key words: participatory democracy, political equality, political participation, models of democracy, republicanism, liberal democracy

CITATION: Shaveko N.A. Participatory democracy: Basic approaches to justification and their criticism. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 1. Pp. 120–135. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-120-135

Введение

Настоящая статья посвящена одной из нормативных теорий демократии – т.н. демократии участия (партиципаторной демократии), появившейся в западной политической философии в конце 1960-х гг. и получившей особое распространение в 1970-х гг. Цель статьи заключается в том, чтобы рассмотреть взгляды основных ее представителей (К. Пейтмэн, Б. Барбер, К. Макферсон, П. Бахрах), критически их осмыслить, и с учетом этого сформулировать особенности указанной теории. Реализация данной цели, как предполагается, заложит фундамент для более общей нормативной критики демократии участия, предотвратив произвольные обобщения и необоснованные приписывания взглядов.

Предварительно обозначим суть теории партиципаторной демократии. Изначально данная теория появилась как реакция на другую теорию, которую П. Бахрах назвал «демократическим элитизмом» [10]. Согласно демократическому элитизму, обычный гражданин не обладает достаточными способностями и возможностями для самостоятельного принятия политических решений, однако способен выбрать себе политических представителей, в свою очередь, выборность представителей как таковая обеспечивает если не правление в интересах народа,

то по крайней мере защиту от явно антинародной тирании. Отсюда представительная демократия, в которой роль граждан сводилась лишь к избранию представителей, считается демократическими элитами наиболее привлекательной. В противоположность этому партисипаторную демократию сами ее сторонники определяют как такую модель демократии, при которой принятие политических решений осуществляется при широкомасштабном и, как правило, прямом участии простых граждан, децентрализовано и рассредоточено [14, р. 4]. Таково общее ценностное ядро всех партисипаторных демократов, по которому и происходит выделение соответствующей теории в академической литературе.

Дальнейший анализ, однако, покажет, что общие черты партисипаторных концепций не сводятся к прямому и децентрализованному политическому участию народных масс. Кроме того, несмотря на общность ряда ключевых тезисов, различные авторы приходят к ним разными путями, а потому имеются основания выделять в рамках партисипаторной демократии два направления: либеральное и республиканское.

Несмотря на то, что речь в статье пойдет о теории, которая достигла пика своей популярности около полувека назад, исследование данной теории представляется особенно актуальным в современных условиях, когда теория либеральной демократии переживает кризис, поскольку практическое ее воплощение связано с огромным экономическим неравенством, перерастающем в политическое, а также с социальной разобщенностью и неспособностью ответить на глобальное усиление авторитарных режимов. В российском контексте актуальность статьи обуславливается, в том числе, стремлением государства укрепить консолидирующую общенациональную идентичность, необходимую для защиты государственного суверенитета, поскольку одним из способов обеспечения реальной устойчивости данной идентичности можно рассматривать активную вовлеченность народных масс в политические процессы. В то же время, хотя в отечественной литературе к демократии участия проявляется определенный интерес даже на уровне монографических исследований [4; 7], посвящены они скорее конкретным воплощениям того, что соответствующие авторы считают демократией участия, а не рассмотрению взглядов «корифеев» указанной теории.

Взгляды представителей партисипаторной демократии

Кэрл Пейтмэн

Возникновение соответствующего течения в научной среде нередко связывается с именем английской феминистки К. Пейтмэн, автором книги «Участие и демократическая теория» (1970 г.). Защищая тезис

о необходимости широкого и прямого участия населения в политике, Пейтмэн призывает обратить внимание на таких классических авторов, как Ж.Ж. Руссо и Дж.С. Милль, для которых демократия была, во-первых, способом формирования ответственных, добродетельных и образованных граждан, во-вторых, способом интеграции данных граждан и формирования у них чувства принадлежности к сообществу, в-третьих, способом легитимации принимаемых политических решений [20, р. 22–35].

Но хотя все эти положительные стороны демократии имеют в той или иной мере инструментальный, а не сущностный характер, в трудах Пейтмэн отчетливо прослеживается мысль о том, что политическое участие обладает и некоторой самоценностью. Действительно, теоретически мы можем поручить принятие политических решений квалифицированной, добросовестной и справедливой элите. Однако как мы можем считать граждан полноценными моральными агентами, если не позволяем им быть хозяевами собственной жизни и не способствуем их сознательности и ответственности? Только активное участие в решении политических вопросов, по мнению Пейтмэн, делает граждан творцами той социальной среды, в которой они живут.

Доводы Пейтмэн представляются несостоятельными по следующим основаниям.

Во-первых, в действительности отсутствие тех или иных политических прав не обязательно ставит под сомнение общий статус человека как морального агента (т.е. его право самостоятельно определять свою судьбу). Вообще, возможности человека определять собственную судьбу ограничены как минимум аналогичными возможностями других людей, а также не зависящими от людей объективными факторами. Кроме того, даже в самых продвинутых демократиях граждане не имеют право голоса абсолютно по всем затрагивающим их вопросам, поскольку большинство таких вопросов решается бюрократическим аппаратом. Все это само по себе еще не свидетельствует об ущемлении достоинства граждан. Представляется, что достойное обращение с гражданами подразумевает не максимально широкое народное участие в политике, а всего лишь открытость правящих элит на условиях честной конкуренции (т.е. возможность любого гражданина стать частью этих правящих элит, например, чиновником или депутатом), а также возможность граждан самим определять, какие вопросы они хотят доверить профессиональным управленцам, а какие – рассматривать непосредственно. В конечном счете спор между демократическими элитистами и демократами участия, упрощая, сводится не к тому, что первые не признают человека моральным агентом, а вторые признают,

а к тому, что эти две группы демократов по-разному оценивают желания и способности народа по участию в политике, а также действительную эффективность выборов (представительства) в части реализации воли и интересов народа.

Во-вторых, в действительности практика политического участия является не единственным и далеко не всегда эффективным способом развития политически значимых компетенций и качеств. Безусловно, в целом практика является неременной частью обучения. Однако для того, чтобы обучение было эффективным, практика должна быть выстроена определенным образом, в противном случае она будет способствовать лишь закреплению ошибок. Следовательно, если мы хотим развить политическую квалификацию широких народных масс, нам потребуется создание специальных обучающих политических практик, а вовсе не реальное политическое участие народа. Неслучайно гражданин, задумывающийся над политическими вопросами и участвующий в дискуссиях на политические темы, как правило, избегает реальной политики, в то время как политически активный гражданин обычно не стремится размышлять [13, р. 29].

В-третьих, совмещение политического участия с политической социализацией может нанести ущерб нормативной обоснованности и эффективности политического управления, т.к. любое обучение подразумевает совершение ошибок, как минимум, сначала. Чтобы опровергнуть этот тезис, Пейтмэн уделяет особое внимание эмпирически подтвержденным положительным аспектам массового участия граждан в принятии решений на уровне предприятий и местного самоуправления. К сожалению, приводимые ею ссылки на результаты эмпирических исследований доказывают лишь то, что участие в управлении делает граждан психологически уверенными в своих способностях, а не то, что оно делает их более компетентными, а управление – более качественным. Но сегодня нельзя не принимать во внимание эффект Даннинга–Крюгера, согласно которому некомпетентные люди склонны переоценивать свои знания и умения, а также неспособны адекватно оценивать действительно высокую компетентность других людей, в то время как последние, напротив, в меньшей степени уверены в своей квалификации [16].

В-четвертых, факторы, влияющие на легитимность правления (в значении одобрения большинством населения), меняются в зависимости от множества обстоятельств и должны быть предметом социологических исследований; нельзя утверждать, что любое увеличение возможностей массового политического участия непременно сделает политический режим более легитимным. Действительно, среди политических философов практически общепринятой считается мысль, согласно

которой легитимными могут оказаться даже совершенно недемократические формы правления. Вспомним выделенные М. Вебером типы легитимности: традиционный, харизматический и легальный [3, с. 252–282]. Ни один из этих типов не основан на участии народа в осуществлении власти. И это вряд ли случайно.

Как отмечал С.М. Липсет еще более полувека назад (1959), «легитимность сама по себе может быть связана со многими формами политической организации, включая репрессивные» [17, р. 87]. Несколько позже Р. Арон в своей книге «Демократия и тоталитаризм» (1963) также признавал, что легитимным может оказаться и недемократический режим, т.е. режим, при котором народ вообще не участвует в формировании органов власти (например, о легитимности можно говорить, если граждане поддерживают официальную идеологию правящей партии или полностью доверяют национальному лидеру) [1, с. 277]. П. Розанваллон, в свою очередь, отмечает, что исторически даже в демократических государствах легитимность связывалась не только с выборами или прямой демократией, но и с автономной и рациональной государственной администрацией, с независимыми регулирующими органами, судами и т.д., а также не только с общественной волей, но и с общественной пользой [8, с. 43–71]. Наконец, по убедительному мнению Е. Морозова, «граждане авторитарных государств не обязательно воспринимают свои недемократически сформированные правительства как нелегитимные, поскольку легитимность может быть основана не только на выборах; шовинистический национализм (Китай), страх перед иностранным вторжением (Иран), быстрые темпы экономического роста (Россия), низкий уровень коррупции (Беларусь) и эффективность государственных услуг (Сингапур) были успешно использованы для этих целей» [19, р. 86].

В свете всех этих замечаний вряд ли общий вывод о том, что активное народное участие в политике повышает легитимность власти, может считаться убедительным. Представляется, что любая форма правления имеет тенденцию к самолегитимации: как демократические, так и недемократические режимы вынуждены заниматься самолегитимацией, т.е. создавать такие социокультурные условия, при которых альтернативы действующему политическому порядку не смогут выдержать критики. Это связано не только с корыстными устремлениями власть имущих, но и с объективной потребностью в стабильном функционировании государства, а также с врожденными особенностями человеческой психики, благодаря которым возникают такие явления, как, например, самооправдание стереотипов (самореализация прогнозов) [2, с. 705–706] или живучесть выполняющих функцию социального приспособления установок (упрощенно говоря, люди склонны поддерживать существующие

устои, а поступающую информацию воспринимать как подтверждающую уже имеющиеся воззрения) [2, с. 717].

Наконец, в-пятых, вопреки Пэйтмэн, политическое участие может способствовать не только чувства принадлежности к сообществу, но и обнажению противоречий внутри сообществ: здесь также все зависит от конкретных обстоятельств.

Бенджамин Барбер

Американский политический теоретик Б. Барбер в своей книге «Сильная демократия» (1984 г.) радикализировал тезис о ценности массового политического участия, высказывая убеждение, что демократия является не средством защиты индивидуальных прав и ценностей, а условием их появления, равно как и условием формирования автономной личности: «Чтобы быть свободными, мы должны быть самоуправляемыми; чтобы иметь права, мы должны быть гражданами. В конце концов, только граждане могут быть свободными» [12, р. XXXVI]. Таким образом, в отличие от Пейтмэн, он пытается сказать не просто то, что политическое участие защищает достоинство человека, способствует росту компетентности и ответственности народных масс, а также принятию правильных и легитимных решений, но и то, что без политического участия вообще немыслима индивидуальность, достоинство и интересы которой мы стремимся защитить.

Вместе с тем, данные суждения представляются чрезмерно категоричными по двум причинам. Во-первых, Барбер неправомерно отождествляет самоуправление и социализацию. Нет смысла спорить с тем, что личность формируется только в социуме. Однако социализация во многом осуществляется в рамках специальных «попечительских» институтов (семья, школа и т.п.), не всегда практикующих прямое участие подопечных в решении социально значимых вопросов. Кроме того, социализация во многом связана с игрой, т.е. с имитированием социальных практик, а не с реальным участием в них. Таким образом, социализация личности и принятие ею непосредственного участия в решении публичных проблем не тождественны. Во-вторых, Барбер отождествляет политику с публичной активностью как таковой, а демократию – с участием широких слоев населения в любых общественных делах. Традиционное же понимание политики и демократии (т.е. применительно лишь к управлению государством) сразу поднимает вопрос: действительно ли мы можем отрицать свободную личность жителей деспотических государств или же свободную личность политически апатичных индивидов? Таким образом, отсутствие политического участия вовсе не ущемляет достоинство личности и не является необходимым для ее формирования.

Приведенные соображения в совокупности вынуждают нас отвергнуть тезис Барбера о безусловной необходимости политического участия для формирования полноценной личности. На проверку оказывается, что массовое политическое участие не может быть ничем иным, кроме как средством достижения нормативно правильного социального устройства.

К слову, в другом аспекте понятие политики у Барбера оказывается слишком узким, т.к. политические вопросы для него – это только те вопросы, для решения которых мы не обладаем внешним по отношению к ним самим знанием (как о фактах, так и о ценностях) [12, р. 129–131]. Это сужение предмета политики позволяет автору с легкой руки отвергнуть любой элитизм: там, где нет знания, не может быть и привилегий знающих. Но, по всей видимости, данное утверждение также должно означать, что там, где соответствующее знание наличествует, массовое политическое участие допустимо заменить правлением элит!

Барбер критикует «тонкую модель демократии», т.е. такую модель, которая видит задачу государства в защите негативной свободы и реализации индивидуальных интересов граждан, и которая с этой целью, с одной стороны, пытается предотвратить «тиранию» большинства или меньшинства через права человека и систему сдержек и противовесов, с другой – пытается обеспечить надлежащий уровень отзывчивости власти по отношению к интересам подвластных, но полагает, что это возможно в рамках представительной, а не прямой демократии. Таким образом, «тонкая модель демократии» у Барбера – это, по сути, элитистский вариант либеральной демократии. Этой модели мыслитель противопоставляет свою модель «сильной демократии» (*strong democracy*), ориентированную на республиканское понимание свободы как самоуправления и на «общее благо», политическое участие, децентрализацию и прямую демократию, и видящую основные права и свободы результатом демократии, а не ее предпосылкой. Собственно, «сильная демократия» в терминологии Барбера означает, упрощенно говоря, массовое участие ответственных и разумных (т.е. обладающих добродетелью гражданственности) индивидов в решении политических вопросов в рамках сообществ. По мнению ученого, сообщество без участия лишь рационализирует деспотичный коллективизм, отрицающий свободную индивидуальность, в свою очередь участие без сообщества чревато охлократией, т.е. господством частного интереса толпы; и то, и другое вредит гражданственности [Ibid., р. 155], в то время как «сильная демократия» – это своего рода золотая середина.

Характеризуя политические разговоры (*political talk*) в сообществах, Барбер сближается с идеями «совещательной демократии», к началу

1980-х гг. уже активно набиравшими обороты. И все же, Барбер в целом не ориентируется на консенсус, т.к. понимает политику как сферу конфликта [12, р. 166]. Так или иначе, делиберацией, казалось бы, решается проблема качества (ответственности и разумности) массового политического участия. Но действительно ли качественное политическое участие совместимо с его массовостью? Всегда ли, например, в наших силах сформировать широкую сеть добровольных сообществ и поддерживать должный уровень продуктивной активности внутри них? Способно ли самоуправление сообществ заменить традиционные властные институты? Эти вопросы, бросающие тень на концепцию «сильной демократии», стали впоследствии одними из центральных для сторонников «совещательной демократии». Барбер, понимая возможные трудности, занимает следующую позицию: представительство всегда является «планом Б», а приоритет по возможности следует отдавать непосредственному участию [Ibid., р. 273].

В целом, «сильная демократия» – это ярко выраженный коммунарско-республиканский вариант демократии участия. В литературе Барбера причисляют и к коммунитаристам (поскольку он делает акцент на общем благе) [21, S. 362], и к республиканцам (поскольку он придает особую ценность политическому участию, делиберации и гражданским добродетелям, а свободу понимает как самоуправление) [22, S. 158].

Кроуфорд Броу Макферсон

Если Пейтмэн и Барбер акцентировали внимание на самоценности политического участия, то канадский политолог К.Б. Макферсон предложил совершенно другую линию обоснования демократии участия. Данный ученый считал концепцию демократического элитизма (ее он называл «моделью равновесия»), отрицающую ценность активного политического участия масс, правильной лишь с точки зрения описания существующей действительности, но не с точки зрения нормативного идеала. По его мнению, «модель равновесия» (т.е. модель, при которой множество индивидов выбирает правящие элиты в соответствии со своими политическими предпочтениями, и тем самым достигается равновесие между спросом и предложением политических благ) тесно связана с господством рыночных отношений и рыночного мышления. Однако Макферсон выступает резко против такого господства [5; 18]. Таким образом, если демократические элитисты в обоснование своей концепции ссылались на то, что она является наиболее реалистичной с учетом способностей и желания большинства людей относительно участия в политике, то сторонники демократии участия, не оспаривая

весьма прискорбное положение дел, придерживаются веры в то, что возможно создать другую реальность, отличную от существующей.

По мнению Макферсона, рынок не может обеспечить вознаграждение, пропорциональное вложенным усилиям, поскольку эффективность данных усилий зависит от имеющихся факторов производства, распределяющихся далеко не всегда по заслугам. Кроме того, рынок способен максимизировать лишь то удовлетворение, которое отдельные люди могут позволить себе купить, а не вообще совокупное удовлетворение общества. Следовательно, рынок склонен усиливать неравенства и не является справедливым механизмом. Но Макферсона беспокоит еще и то, что рынок постоянно порождает у человека ощущение дефицита и необходимости постоянной конкуренции. При таких обстоятельствах рыночную систему нельзя считать справедливой, поскольку она не способствует предоставлению каждому возможностей для свободного саморазвития.

Ту же критику ученый переносит и на рынок политических благ, где мы встречаем неравные возможности для политического влияния, что порождает политическую апатию большей части населения, а также тенденцию к не учитывающей их интересы олигополии (политики, которые сами по себе уже являются классом «избранных», учитывают интересы только тех субъектов, которые имеют реальные рычаги влияния на них, т.е. чей спрос на конкретную политику является эффективным). Словами И. Шапиро, «подобно тому, как у многих есть потребности, для выражения которых через рынок они не располагают необходимыми экономическими ресурсами, точно так же многие, имея интересы, не имеют ресурсов, чтобы выразить их через организованные политические группы интересов. Если молодежь, бедняки, люди, потерявшие здоровье, душевнобольные и многие другие не организованы в эффективные группы, то это не значит, что все они не существуют» [19, с. 20]. Причем как потребитель на рынке, так и избиратель в политике не являются суверенными, поскольку их предпочтения и способы удовлетворения данных предпочтений уже заранее формируются поставщиками благ. При таких обстоятельствах конкуренция политических элит в политике вовсе не гарантирует ни удовлетворение запросов большинства граждан, ни их права на реализацию собственных представлений о достойной жизни.

Как и другие партисипаторные демократы, К.Б. Макферсон критикует позицию, согласно которой для функционирования демократии необходимо не слишком активное участие населения в политике. Для него данная позиция имеет отношение только к вполне конкретной модели демократии («модели равновесия»), но именно ее ученый и не принимает.

Отсюда вовсе не обязательно, что справедливое общественное устройство требует политической пассивности масс. Но доказано ли Макферсоном обратное?

Для Макферсона справедливым является предоставление каждому гражданину возможности полноценного и свободного развития своих способностей (т.е. по сути либеральный политический идеал). С этой целью, как он предполагает, необходимо предоставить всем слоям населения возможность артикулировать и эффективно отстаивать свои интересы. Но поскольку низкий уровень политического участия тесно связан с отсутствием такой возможности, справедливое общественное устройство, по всей видимости, предполагает большее политическое участие. Следовательно, весьма вероятно, что создание условий для полноценного и свободного развития личности требует массового политического участия.

В изложенной позиции имеется ряд слабых мест. Так, во-первых, Макферсону следовало бы более убедительно показать, что для достижения его идеала справедливости широкие народные массы должны иметь возможность не только выражать свои потребности, но еще и оказывать давление на правящую элиту (т.е. ученому необходимо опровергнуть не только демократический элитизм, но и идею недемократического «попечительского» правления, регулирующего возникающие конфликты интересов подданных на основе некоторых объективно обоснованных моральных принципов, не испытывая на себе давление народа). Во-вторых, рассматриваемая логика подразумевает стремление именно к увеличению таких возможностей, а не к большему политическому участию самому по себе, т.к. даже при наличии искомых возможностей мыслима политическая апатия, вызванная другими причинами. Например, Ш. Муфф полагает, что даже при создании всех условий политического участия возможна политическая апатия, связанная с навязываемым требованием постоянно стремиться к достижению консенсуса [6, с. 61]. Короче говоря, политическое участие в логике самого Макферсона должно быть лишь средством, но он необоснованно делает его главной целью. В-третьих, предоставление каждому возможности эффективно отстаивать свои интересы вовсе не обязательно должно привести к социальному порядку, при котором каждому будет обеспечена возможность полноценного и свободного развития. Так, даже если каждый гражданин имеет обширные политические права, и эти права у всех равны, это не означает, что в обществе будет установлен либеральный порядок, гарантирующий защиту интересов меньшинств, поскольку все еще сохраняется угроза «тирании большинства».

Кроме того, остается проблема достижимости идеала демократии участия. Макферсон понимает эту проблему и пишет: «Политическая система, которая, например, требует, чтобы граждане были более рациональными или политически более ангажированными по сравнению с тем, какими они ныне являются и, как можно ожидать, будут в любых достижимых социальных условиях, вряд ли заслуживает особой защиты» [5, с. 12–13]. Свою задачу ученый видит в том, чтобы показать достижимость необходимых социальных условий. Однако, как представляется, соответствующие доказательства вряд ли будут универсальными. Целесообразнее исследовать возможности повышения рациональности и активности широких слоев населения применительно к каждому конкретному вопросу.

Питер Бахрах

Другой апологет демократии участия – американский ученый П. Бахрах – в своих трудах высказывал тезисы, разделяемые вышеперечисленными сторонниками демократии участия, и попытался выдвинуть дополнительные аргументы в их защиту (правда, при этом раскритиковал Пейтмэн за придание ключевого значения самому процессу демократического участия, а не конечному результату [11, р. 117–124]). Как и Макферсон, Бахрах делает акцент на том, что при формально равных политических правах фактические возможности политического участия большей части населения явно несоразмерны таковым у элиты, что приводит к социальной дискриминации. «Маленькому человеку» в принципе труднее донести до сведения представителей власти свои нужды, а уж если власть отказывается ему содействовать, то для достижения политического влияния ему нужно проявить незаурядные способности к объединению с такими же, как он.

В итоге альтернативные издержки политического участия возрастают настолько, что делают его бессмысленным. Но дело даже не в этом, т.к. сама социальная структура такова, что в ее рамках «маленькому человеку», как правило, наиболее выгодным бывает как раз согласиться с господством над ним капиталистической элиты. Выход Бахрах видит в изменении данной социальной структуры, т.е. «правил игры», создающих неравные возможности. Как и другие авторы, он делает ставку на рабочий контроль и самоуправление рабочих (workplace democracy), и настаивает на том, что политическое участие способствует повышению политической компетентности и ответственности граждан, что в итоге сказывается и на качестве управления [10, р. 95, 105].

Заключение

В завершение статьи представляется необходимым провести краткий сравнительный анализ взглядов всех приведенных авторов.

Так, например, между этих взглядами имеются существенные сходства. Важное сходство состоит в том, что (1) все они воспринимают демократию как средство для того, чтобы представить каждому возможности личностной самоактуализации. Как следствие, (2) они нередко настаивают на необходимости преодоления крайнего экономического расслоения. Кроме того, (3) партисипаторные демократы уделяют много внимания формированию чувства общности и гражданственности, а также (4) участию в решении вопросов на уровне муниципалитета или предприятия. Наконец, (5) практически всех они ищут вдохновения у Руссо и Милля, видевших в демократии способ развития определенных человеческих качеств. Таким образом, партисипаторных демократов объединяет далеко не только общая симпатия к прямой демократии, но и ряд других важных характеристик.

Важное различие во взглядах рассмотренных авторов заключается в том, что для одних (Пейтмэн, Барбер) политическое участие ценно как неперенный спутник социализации и развития личности, а также основное средство выработки общих представлений о благе, тогда как для других (Макферсон, Бахрах) таковое является, в первую очередь, средством увеличения возможностей личности по реализации собственных интересов, средством в борьбе с социальной дискриминацией и с дегуманизирующей культурой [15]. Создается впечатление, что Пейтмэн и Барбер видят в политическом участии не просто инструментальную ценность для достижения социально или индивидуально правильного результата, но и сам по себе идеал благой жизни. Как результат, мы наблюдаем два различных обоснования политического участия: одно либеральное, другое – республиканское. Макферсон, например, выделяет в рамках либеральной демократии протекционистскую модель (демократия как защита от правительства, акцент на негативной свободе) и модель развития (демократия как возможность раскрытия потенциала личности, акцент на позитивной свободе), рассматривая демократию участия как продолжение моральных тезисов модели развития, т.е. как одну из версий либеральной демократии [5, с. 171–172], тогда как Барбер прямо противопоставляет «сильную демократию» либеральной демократии (понимая свободу как самоуправление, он отдает приоритет общему благу, а не индивидуальным интересам).

В целом же, анализ трудов множества других сторонников демократии участия показывает, что для данных авторов обычно крайне важны

два довода: с одной стороны, демократия участия – это верный способ воспитания добродетельных и ответственных граждан, уважения их достоинства, с другой стороны, это средство достижения в том или ином смысле правильных решений (или, по крайней мере, избегания явно неправильных решений) [11, р. 6–16]. При этом надо заметить, что в трудах партисипаторных демократов не прослеживается достаточно четко, но подспудно присутствует представление о том, что политическое участие содействует не просто достижению нормативно правильных результатов (с социальной или индивидуальной перспективы), но и познанию самой нормы, по которой эти результаты оцениваются. Однако четко и последовательно эпистемологическая ценность демократии у них не сформулирована.

Таким образом, хотя у взглядов рассмотренных партисипаторных демократов есть масса общих черт, им свойственны и отличия, которые позволяют выделить в рамках демократии участия два основных направления: либеральное и республиканское.

Библиографический список / References

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. [Aron R. *Demokratija i totalitarizm* [Democracy and totalitarianism]. Moscow, 1993.]
2. Введение в психологию / Р.Л. Аткинсон, Р.С. Аткинсон, Э.Е. Смит и др.; под общ. ред. В.П. Зинченко и др. СПб., 2007. [Atkinson R.L., Atkinson R.S., Smith E.E. et al. *Vvedenie v psihologiju* [Hilgard's introduction to psychology: History, theory, research, and applications]. Transl. from English. St. Petersburg, 2007.]
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1. Социология. М., 2016. [Weber M. *Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii* [Economy and society: An outline of interpretive sociology]. Vol. 1. Sociology. Transl. from English. Moscow, 2016.]
4. Желтов В.В., Желтов М.В. Демократия участия: понятие, политическая практика, механизмы. М., 2021. [Zhelтов V.V., Zheltov M.V. *Demokratija uchastija: ponjatie, politicheskaja praktika, mehanizmy* [Participatory democracy: Concept, political practice, mechanisms]. Moscow, 2021.]
5. Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М., 2011. [Macpherson C.B. *Zhizn i vremena liberalnoj demokratii* [The life and times of liberal democracy]. Transl. from English. Moscow, 2011.]
6. Муфф Ш. Демократия в многополярном мире // Прогнозис. 2009. № 2. С. 59–71. [Mouffe Ch. *Democracy in a multipolar world. Prognosis*. 2009. No. 2. Pp. 59–71. (In Rus.)]
7. Петухов В.В. Демократия участия и политическая трансформация России. М., 2007. [Petukhov V.V. *Demokratija uchastija i politicheskaja transformacija Rossii* [Participatory democracy and political transformation of Russia]. Moscow, 2007.]

8. Розанваллон П. Демократическая легитимность. Беспристрастность, рефлексивность, близость. М., 2015. [Rosanvallon P. Demokratischeskaja legitimnost. Bespristrastnost, reflektivnost, blizost [Democratic legitimacy. Impartiality, reflexivity, proximity]. Moscow, 2015.]
9. Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Полис. 1992. № 4. С. 17. [Shapiro I. Democracy and civil society. *Polis*. 1992. No. 4. P. 17. (In Rus.)]
10. Bachrach P. The theory of democratic elitism: A critique. Boston, 1967.
11. Bachrach P., Botwinick A. Power and empowerment: A radical theory of participatory democracy. Philadelphia, 1992.
12. Barber B. Strong democracy. Participatory politics for a new age. University of California Press, 2003.
13. Bell D.A. The China model: Political meritocracy and the limits of democracy. Princeton University Press, 2015.
14. Cook T.E., Morgan P.M. Participatory democracy. San Francisco, 1971.
15. Keim D.W. Participation in contemporary democratic theories. *Participation in Politics (Nomos XVI)*. J.W. Chapman, J.R. Pennock (eds.). N.-Y., 1975. Pp. 1–38.
16. Kruger J., Dunning D. Unskilled and unaware of it: How difficulties in recognizing one's own incompetence lead to inflated self-assessments. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77. No. 6. Pp. 1121–1134.
17. Lipset S.M. Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy. *The American Political Science Review*. 1959. Vol. 53. No. 1. Pp. 69–105.
18. Macpherson C.B. The real world of democracy. Toronto, 1965.
19. Morozov E. The net delusion: The dark side of internet freedom. N.-Y., 2011.
20. Pateman C. Participation and democratic theory. Cambridge University Press, 1970.
21. Reese-Schäfer W. Grenzgötter der Moral. Der neuere europäisch-amerikanische Diskurs zur politischen Ethik. Frankfurt a. M., 1997.
22. Zeitgenössische Demokratietheorie Band 1: Normative Demokratietheorien. O.W. Lembcke, C. Ritzi, G.S. Schaal (Hrsg.). Wiesbaden, 2012.

Статья поступила в редакцию 31.10.2024, принята к публикации 28.12.2024
The article was received on 31.10.2024, accepted for publication 28.12.2024

Сведения об авторе / About the author

Шавеко Николай Александрович – кандидат юридических наук; старший научный сотрудник Удмуртского филиала, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Удмурдская Республика

Nikolai A. Shaveko – PhD in Law; senior researcher at the Udmurt Office, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

E-mail: nikolai_91@inbox.ru